

Вы получите последний № «Kolokol» с первой же почтой. Бросьте взгляд на манию доносов в русской журналистике¹⁰.

Примите выражение высокого моего уважения...

А л. Герцен

Простите мне, что я пишу вам по-французски; я позабыл остатки своего немецкого языка.

¹ Ответ на неизвестное письмо Кинкеля, присланное Герцену вследствие их столкновения во время встречи в Цюрихе 30 июля 1868 г. (см. XXIX, 427 и вступит. заметку к наст. публикации).

² В черновом автографе письмо начинается датой 27 августа и текстом: Я вам поистине весьма признателен за ваше письмо, которое получил с некоторым опозданием, так как оно переслано было Текст вариантов приводится здесь только в русском переводе с французского. На французском языке см. в XXIX 185—186, где опубликовано как «письмо к К. Э. Хоецкому».

Можно предположить, что это начало письма более или менее точно соответствовало строкам, оторванным в окончательном тексте.

³ В черновом автографе слова: совершенно исключительном — отсутствуют.

⁴ В черновом автографе далее: единому служению

⁵ В черновом автографе далее: ни разу не погрешив, не дав ни малейшего повода к политическому упреку недоверия и]

⁶ В черновом автографе слова: и предателем — отсутствуют.

⁷ В черновом автографе слова: их прихотям и — отсутствуют, так же как далее слова: Это тяжело

⁸ Вместо: Мне показалось ∞ одно — в черновом автографе: Я понял, что все ваши слова внушены ими, и живо чувствовал, что это недоверие не заслужено мной. От всего сердца принимаю ваше объяснение; вижу, что преувеличил значение ваших слов, и, протягивая вам с прежней искренностью руку, прошу предать полному забвению случившееся.

Мадемуазель Мейзенбург

⁹ Речь идет об изданной в Вене в 1868 г. брошюре Кинкеля «Polens Auferstehung, die Stärke Deutschlands» или о ее французском переводе, вышедшем в том же году в Цюрихе: «La renaissance de la Pologne envisagée comme la force de l'Allemagne».

¹⁰ Статья Герцена «La manie de délation», напечатанная в «Kolokol», № 11, от 15 августа 1868 г. (XX, 356—363).

Э. ВИНТЕРСБЕРГ — ГЕРЦЕНУ

Публикация В. Н. Поспеловой

«Шпионы постоянно трутся во всех эмиграциях; их узнают, открывают, колотят, а они свое дело делают с полнейшим успехом. В Париже полиция знает все лондонские тайны», — писал Герцен в «Былом и думах», сообщая подробности одной трагикомической истории, в которую он оказался втянутым (XI, 199).

Зная по слухам, что обнищавший австрийский эмигрант Нидергубер поддерживает связь с парижской полицией, Герцен все же не отказывал ему в материальной помощи. Когда же слухи подтвердились, он порвал с ним всякие отношения. Этим, однако, дело не завершилось. «Какой-то господин, говорят, добрый и честный, старик В.*, стал защищать Н. Он созвал комитет немцев и пригласил меня как одного из обвинителей, — вспоминал Герцен. — Я написал ему, что в комитет не пойду, что все мне известное ограничивается тем, что Н. в моем присутствии сознался Гаугу, что он деньги от префекта получал. В. это не понравилось, он написал мне, что Н. фактически виноват, но морально чист, и приложил письмо Н. к нему» (XI, 199—204). Этому эпизоду посвящено и письмо Герцена к М. К. и А. Рейхелям от 17 августа 1853 г. (XXV, 93—94; ср. 95).

Воспроизводимые ниже два письма немецкого эмигранта Э. Винтерсберга к Герцену — именно те, о которых упоминается в «Былом и думах». Они образуют своего рода комментарий к воспоминаниям Герцена.

Э. Винтерсберг — австрийский журналист, участник революции 1848—1849 гг., заочно осужденный 31 мая 1849 г. австрийским судом «за подстрекательство народа к свержению конституционной монархии и установлению республики, за поддержку требований крестьянства к вооруженному сопротивлению законной власти» (см. «Enthüllungen aus der höheren Region der politischen Spionage». Herausgegeben von A. Vandermeulen. В., 1862, S. 113). В 1850-е годы он

* В «Былом и думах» фамилия ошибочно расшифрована комментаторами как Винтергальтер (XI, 204).

был политическим эмигрантом в Лондоне. Именно он выступил в защиту своего бывшего коллеги-журналиста Нидергубера, офицера Венской национальной гвардии во время революции 1848 г., эмигрировавшего после поражения революции в Париж, а затем в Лондон, где и был уличен в связях с парижской политической полицией.

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится ряд писем, относящихся к 1853 г., в которых отражены многие подробности этого конфликта (ф. 458, ед. хр. III. 6052): письма Таузенау к Винтерсбергу (от 6 августа), Винтерсберга к Таузенау (от 11 августа), Гаймбергеру (от 12 августа), Франку (от 15 августа) и Бухгейму (от 17 августа).

Ответы Герцена Винтерсбергу (возможная датировка: 3—13 августа 1853 г.), так же как и Нидергуберу (между 31 июля и 10 августа того же года), остаются неизвестными (см. XXV, 487—488).

Письма печатаются впервые по автографам ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (ф. 458, ед. хр. III. 6052, л. 4—7 и 23—27). О содержании писем впервые сообщено Л. Р. Ланским в XXV, 393.

1

An A. Herzen

<London.> 13, New Quebeck Str<et>, Portman Sq<uare>
3. Aug<ust> 53

Geehrter Herr!

Ich fühle mich verpflichtet, mich in der Sache eines Dritten, unbekannterweise, an Sie zu wenden, und bitte, weil ich uneigennützig komme, um freundliche Aufnahme.

Mein Landsmann N., der im Jahre 48 mit mir an demselben Blatte arbeitete, hat mir mitgeteilt, daß er beschuldigt werde, im Dienste der französischen und der russischen Polizei zu stehen. Ich habe Einsicht genommen in die Papiere, die er mir vorgelegt hat, und habe gefunden, daß er allerdings mit der französischen Polizei kurze Zeit in Verbindung gestanden hat; allein ich habe zugleich die Überzeugung gewonnen, daß er es nur in der Absicht getan hat, dieselbe zu täuschen. Dieselben Papiere enthalten zugleich die Belege, daß er den berüchtigten Häfner ¹, der wirklich Spion ist und Tausenau in die Schlinge ziehen wollte, als solchen entlarvt hat ². Das pflegen Spione sonst nicht zu tun.

Ich beklage den unseligen Schritt N.'s um seinetwillen, weil ich weiß, daß Irrtümer und Mißgriffe die Menschen oft weit unglücklicher machen als Schandtaten: aber Sie begreifen, daß die Sache, wenn sie so steht, weit anders zu beurteilen ist, als wenn er wirklich mit Leib und Seele verknüpft gewesen wäre. Fälle, daß man sich dem Gegner zum Scheine verkauft hat, sind schon genug vorgekommen. Manchmal ist es von großem Nutzen gewesen: allein es geht doch nicht, und ich bin überzeugt, daß im Ganzen der Schaden den Nutzen weit überwiegt, und daß es für den, der sich dazu hergibt, fast immer unglücklich ausschlägt.

Es ist hier nicht der Raum, auf die mündlichen Erklärungen N.'s näher einzugehen: ich berühre daher nur kurz die Umstände, von denen ich glaube, daß sie Ihr Urteil bestimmen und von dem Manne und seiner unglücklichen Familie weiteren Schaden abwenden mögen.

Sie haben mit Herrn Haug ³ N. über diese Anschuldigung zur Rede gestellt und mit Recht. N. hat dieses Recht nicht anerkannt. Er vergaß, daß Schändlichkeiten, welche von den Gesetzen nicht erreicht werden können, innerhalb der Gerichtsbarkeit jedes ehrlichen Mannes liegen müssen bis zum Äußersten. Darin hat N. seinen zweiten Fehler gemacht; aber er hat, wie ich ihn zu kennen glaube, rein aus Stolz gefehlt; und Stolz ist sonst nicht der Stoff, aus dem Spione gemacht werden. Ebenso wenig eignet diesen Mann seine Heftigkeit und Derbheit zu einem Spion.

Allein diese psychologischen Gründe sind nur von Wert, wenn sie <dazu> dienen können, materielle Belege zu unterstützen, zu ergänzen. Und das ist nach meiner Überzeugung hier der Fall. Ich glaube, die nähere Untersuchung ist für jeden, der es mit der guten Sache hält, so Pflicht als Bedürfnis; Pflicht, weil es die Gerechtigkeit fordert, Bedürfnis, weil von allem Unglück der Zeit Verrat das größte ist ⁴.

Was den Umstand betrifft, daß N. durch den bekannten Tausenau denunziert worden (ist), find' ich am geeignetsten, die Abschrift eines Briefes beizulegen, den ich gleichzeitig an denselben abgehen lasse. Sie werden daraus sehen, daß er warm und kalt geblasen hat.

Ich bin gerne erbötig, beizutragen zu allem, was diese Sache in den Augen aller Männer von Gesinnung aufklären und Allen, die gleich mir keiner Koterie, aber desto entschiedener der Partei angehören, eine traurige Erfahrung mehr ersparen kann.

Mit Hochachtung W i n t e r s b e r g

П е р е в о д :

А. Герцену

⟨Лондон.⟩ 13, New Quebec Str⟨eet⟩, Portman Sq⟨uare⟩
3 авр⟨уста⟩ 53 г.

Уважаемый господин!

Не будучи знакомым с вами, я обязан обратиться к вам по делу третьего лица и прошу о дружеской поддержке, потому что делаю я это бескорыстно.

Мой соотечественник Н., который работал со мной в 1848 г. в одной газете, сообщил мне, что его обвиняют в том, что он состоит на службе у французской и русской полиций. Я просмотрел бумаги, которые он мне представил, и нашел, что он, правда, был какое-то время связан с французской полицией, но одновременно я убедился и в том, что он сделал это лишь, чтобы ввести полицию в заблуждение. Эти бумаги содержат одновременно доказательства того, что он разоблачил пресловутого Гефнера¹, который действительно является шпионом, и хотел вывести на чистую воду Таузенау². Шпионы ведь такого никогда не делают.

Я сожалею о злосчастном шаге Н. ради него самого, потому что знаю, что ошибки и промахи делают людей гораздо более несчастными, чем сами преступления. Вы ведь понимаете, что дело, если оно так обстоит, нужно оценивать совсем по-иному, чем если бы он действительно был связан с полицией душой и телом. Случаев, когда продаются противнику для вида, было уже достаточно. Иногда это приносило большую пользу: но этого нельзя делать, и я убежден, что ущерб от этого в целом значительно превысил пользу и что для того, кто этим занимается, почти всегда все заканчивается печально.

Здесь не место подробно останавливаться на устных заявлениях Н.; я поэтому только коротко коснусь обстоятельств, которые, как я полагаю, могли бы повлиять на ваше суждение и оградить этого человека и его несчастную семью от дальнейших неприятностей.

Вы с господином Гаутом³ потребовали объяснений от Н. по этому обвинению, и справедливо. Н. не признал за вами этого права. Он забыл, что низости, за которые нельзя наказать по закону, каждый честный человек вправе судить по самому большому счету. Здесь Н. допустил свою вторую ошибку; но он, насколько я его знаю, провинился только из гордости, а гордость обычно не является субстанцией, из которой делают шпионов. Этот человек по своему простодушию и вспыльчивости мало походит на шпиона.

Но эти психологические причины лишь в том случае достойны внимания, если они могут послужить подкреплением и дополнением материальных доказательств. И это, по моему убеждению, как раз такой случай. Более детальное расследование, я полагаю, для каждого добросовестного человека является как потребностью, так и обязанностью; обязанностью — потому что этого требует справедливость, потребностью — потому что из всех несчастий времени измена является величайшей.

Что касается того обстоятельства, что на Н. доносил известный Таузенау, то я нахожу самым подходящим приложить копию письма, которое я одновременно отправляю ему. Из этого вы увидите, насколько он двуличен⁴.

Я охотно готов содействовать всему, что может прояснить это дело в глазах всех принципиальных людей и предостеречь от еще одного печального опыта тех, кто, подобно мне, принадлежит не к какой-либо клике, а стоит на стороне определенной партии.

С глубоким уважением В и н т е р с б е р г

¹ Леопольд Гефнер (1820—?) — австрийский журналист, участник революции в Германии 1848—1849 гг.; эмигрировал во Францию; парижский корреспондент «Allgemeine Zeitung» и «Kölnische Zeitung». Состоял на службе у французской полиции.

² Карл Таузену (1808—1863) — пражский врач и журналист, участник революции 1848—1849 гг., глава Центрального комитета демократических союзов в Вене и Демократического союза в Праге; с 1849 г. эмигрант во Франции, а затем в Англии.

³ О Гауге см. выше, в публикации переписки Герцена и К. Фогта.

⁴ По-видимому, имеется в виду несохранившееся письмо Нидергубера к Винтерсбергу — именно то, которое цитируется в «Былом и думах»: «Г<ерцен> гораздо прежде знал от г. Р<ейхеля> об этих деньгах и не только молчал до обвинения Т<аузену>, но после того дал мне два фунта и прислал на свой счет доктора во время болезни жены!». Эту цитату Герцен завершил проническим восклицанием «Sehr gut!» «Очень хорошо!» (нем.) (XI, 204).¹

2

An Herzen

<London.> 13, New Quebec Str<eet>, Portman Squ<are>
13. Aug<ust> 53

Mein Herr!

Ich habe in meinem Briefe vom 3. d<ieses Monats> für den verfolgten N. ein ehrliches Wort eingelegt, weil ich mich dazu so verpflichtet als berechtigt erkannte. Ich tat es im Vertrauen auf meinen reinen Namen und auf die Macht eines aufrichtigen, herzlichen Wortes, das sonst nicht ohne Wirkung zu bleiben pflegt, wo es guten Willen findet. Ich habe mich schmerzlich getäuscht, aber darum mein Vertrauen noch nicht verloren; noch weniger hat meine Pflicht schon ein Ende.

Sie haben das Verhältnis N.'s zur franz<ösischen> Polizei bereits vor 3 Monaten gekannt und es schon damals mißbilligt — schwerlich entschiedener, als ich es mißbillige — aber Sie haben darum nicht auch über den Menschen ein moralisches Todesurteil ausgesprochen, wie ich es nicht tue. — Warum jetzt nach 3 Monaten anders? — Der Schauer der Polizeiluft, der Sie angeweht haben mag, wie er mich angeweht hat, kann nicht erst nach 3 Monaten gewirkt haben — das wäre gegen die Art dieser Empfindung. — Sollte es so viel Unterschied gemacht haben, daß jetzt ein Feind N.'s geschäftig war, während der Freund N.'s, der Sie vor 3 Monaten davon unterrichtete, Ihnen nicht bloß die dürre Tatsache mitteilte, sondern auch die Momente, die Ihre sittliche Würdigung bedingen?

Sie sind ein reicher Mann; ich im Vergleiche mit Ihnen, arm. Ich habe deshalb Ihnen nichts zu bieten als Wahrheit, d. h. dasjenige, was jeder unbedingt verpflichtet ist zu geben und jeder ebenso unbedingt verpflichtet anzunehmen, die aber in Ihrer Lage weit schwerer zu haben ist als in der meinigen. Ich darf sagen, daß ich Ihnen Wahrheit geben kann, denn ich darf sagen, daß ich immer recht getan habe. Ich trage gar leicht an meiner Habe, <aber> allein noch leichter an meinen Bedürfnissen, so daß bisher noch immer auch für andere etwas übrig blieb. Sie sehen also, daß ich eher als andere gemacht bin, gegen Sie wahr zu sein und Ihnen gegenüber Grundsätze zu verfechten, ohne deren Heilighaltung überall Rußland wäre. Ich wende mich an Sie, weil Sie noch am 31. Juli sich freundlich gegen N. äußerten, indem Sie die Sache «en frère» behandeln wollten; Haug dagegen stieß N. mit dem Munde aus dem Hause, das ihm nicht gehört. Noch Ihr jüngstes Blatt an N.¹ ist milder als die harte Abfertigung Haug's, die sich mit wenig Worten auf ihren wahren sittlichen, juristischen und psychologischen Wert bringen läßt:

Ein Mann wird an der Heerstraße erschlagen gefunden; ein anderer, als der Tat verdächtig, vor Gericht gezogen. — «Bist Du der Mörder dieses Mannes?» — «Ja, ich habe ihn getötet, bin aber darum nicht ein Mörder, denn» — «Halt! das ist genug. Du hast ihn erschlagen, also bist Du sein Mörder.» — «Aber ich will beweisen, daß ich es in der Notwehr getan habe.» — «Das kannst nicht Du beweisen, das könnte nur der Erschlagene bezeugen, denn bei der Tat ist niemand gewesen als er und Du. Das Verhör ist geschlossen. Du bist zum Tode verurteilt.» — Was werden die Engländer zu einem solchen Räsonnement, zu einer solchen Prozedur sagen?...

Die bloße Tatsache der Handlung und ihr sittlicher Wert sind zwei ganz verschiedene Dinge. Die dürre Tatsache ist nichts; erst der Geist macht sie lebendig. Dieselbe Handlung kann scheußlich, kann verzeihlich, kann gleichgültig, kann töricht, kann weise, kann schön, kann groß, kann erhaben sein. Timoleon² hat seinen Bruder umbringen lassen — steht er darum in der Geschichte als ein Brudermörder? — Die dürre Tatsache, daß jemand mit der Polizei korrespondirt und von ihr Geld annimmt,

ist nichts, gar nichts — aber schon der Umstand, daß <jemand mit>, das Korrespondieren und das Geldannehmen in die vergangene Zeit gehört, macht einen nicht geringen Unterschied, weil es einen Grund haben muß. — So sehr ich einen Schauer empfinde, wenn ich an eine Polizeiverbindung auch nur erinnert werde, so hat doch mein Urteil mit dem Schauer nichts zu tun und ich muß die Sachen, nicht meine Empfindungen befragen. Ich kann aber sagen, daß ich es in der Strenge des sittlichen Urteils mit jedem aufnehme; allein eben deshalb muß ich offen und laut erklären: Es ist entgegengehandelt allen Grundsätzen der Gerechtigkeit, es ist bloßstellend die eigene Würde und Ehre, es widerspricht sogar allen Regeln der Klugheit, wenn man die Rechtfertigung N.'s zurückweist. Was wagt man denn, wenn man ihn hört? — Soll denn in der Weigerung liegen, daß man nicht gerecht sein wolle? — Und ein solches russisch-österreichisches Schauspiel führt man in England auf?

Mein erster Brief an Sie war nichts weniger als heiß aus dem ersten Gefühle geschrieben: Sie können auch dort schon finden, daß ich die äußerlichen Tatsachen wohl unterscheide von den Momenten der sittlichen Würdigung. Es heißt dort, nur mit anderen Worten, daß ich in den Papieren die zwei Tatsachen der Verbindung N.'s mit der franz<ösischen> Polizei und seiner Entlarvung Häfn<er>'s als Spion gefunden habe; für die ehrliche Meinung N.'s sprach ich hingegen meine Überzeugung aus, weil ich hier nur durch Schlüsse zu dem Ergebnis kommen konnte. Es steht jedem frei, aus denselben Vorlagen den entgegengesetzten Schluß zu ziehen: ich einmal habe diesen gezogen und hatte Kopf und Herz beisammen. Übrigens ist N. auch nicht ganz *tête-à-tête* mit der franz<ösischen> Polizei gewesen, wenn man die Verplemperung Häfn<er>'s als außerordentlich gelten lassen will; wenn nicht, desto besser.

Noch eins. — Die Art, wie N. seit 3 Monaten Ihnen gegenüber gestanden, mag Ihr Mißtrauen erregt haben. Nicht ganz ohne Grund. Aber N. ist unschuldig daran und das Verschweigen hat sich auch hier wieder, wie immer, als verderblich erwiesen. Sie mußten voraussetzen, daß er um Ihre Kenntnis seines Verhältnisses wußte — er wußte nichts davon. Ich kann bezeugen, daß er erst in den jüngsten Tagen davon unterrichtet wurde.

Ich habe getan, was ich als meine Pflicht erkannte und werde darin verharren aus allen meinen Kräften: ich bleibe daher bei dem Verlangen und Erbieten meines Briefes vom 3. d. Sie werden, hoffe ich, Anerkennung und Würdigung nicht versagen einem redlichen Eifer, der allen Verfechtern der guten Sache, die Sie die Ihrige nennen, zu wünschen wäre.

Wintersberg

Перевод:

Герцену

<Лондон.> 13, New Quebec Str<eet>, Portman Squ<are>
13 ав<уста> 53 г.

Милостивый государь мой!

В своем письме от 3 с<его> месяца) я замолвил доброе слово за преследуемого Н., так как считал себя не только обязанным, но и вправе это сделать. Я сделал это, полагаясь на свое доброе имя и на силу искренних сердечных слов, которые обычно не остаются без внимания там, где встречают добрую волю. Я горько ошибся, но не утратил еще доверия и тем более не считаю, что мои обязанности на этом закончились.

Вы узнали об отношении Н. к французской полиции три месяца тому назад и уже тогда не одобрили это. Вы гораздо более решительно это осуждали, чем я, — но и вы не вынесли этому человеку морального смертного приговора, как и я этого не сделаю. — Почему теперь, спустя три месяца, все по-другому? — Страх перед полицией, который, возможно, охватил вас, так же как и меня, не может повлиять на вас спустя три месяца. — Это противоречило бы естественному восприятию. Разве такая уж большая разница в том, что теперь действовал враг Н., в то время как друг Н., который вас три месяца назад информировал об этом, сообщил вам не только голый факт, но и некоторые моменты, которые обуславливают вашу нравственную оценку?

Вы — богатый человек; я же по сравнению с вами беден. Я не могу поэтому предложить вам ничего другого, кроме правды, то есть то, что каждый непременно обязан дать, и точно так же, как каждый безусловно обязан принять, а получить ее в вашем положении гораздо труднее,

чем в моем. Я вправе сказать, что могу дать вам правду, ибо могу утверждать, что я всегда поступал по справедливости. Я отношусь совершенно легко к тому, что имел, но еще легче к своим нуждам, так что до сих пор у меня всегда оставалось что-то для других. Итак, вы видите, что я скорее, чем кто-либо другой, могу быть по отношению к вам искренним, защищать по отношению к вам принципы, без соблюдения святости которых это была бы Россия (?) Я обращаюсь к вам, потому что вы еще 31 июля дружески высказались по отношению к Н., потому что хотели рассмотреть это дело «en frère» *; Гауг, напротив, дерзко вытолкал Н. из дома, который ему не принадлежит. Еще ваша недавняя записка, направленная Н.¹, мягче сурового поступка Гауга, истинную, моральную, юридическую и психологическую значимость которого можно выразить в нескольких словах так:

На шоссе находят убитого человека и привлекают другого, подозреваемого в этом поступке, к суду. «Ты убийца этого человека?» — «Да, я убил его, но все же я не убийца». — «Довольно! этого достаточно. Ты убил его, следовательно, ты его убийца». — «Но я хочу доказать, что я совершил это для самозащиты». — «Ты не можешь этого доказать, это мог бы засвидетельствовать только убитый, так как при этом никого не было, кроме его и тебя. Допрос закончен. Ты приговорен к смерти». — Что скажут англичане о таком доводе и такой процедуре?..

Сам поступок и его моральное значение — вещи разные. Голый факт ничто, только дух его оживляет. Тот же самый поступок может быть отвратительным, может быть простительным, может быть безразличным, может быть глупым, может быть мудрым, может быть прекрасным, может быть великим, может быть возвышенным. Тимолеон² велел убить своего брата, и разве он вошел в историю как братоубийца? — Просто факт, что кто-то переписывался с полицией и брал у нее деньги, — ничто, совершенно ничто, но уже то обстоятельство, что переписка и получение денег относится к прошлому, является немаловажным различием, потому что это должно иметь какие-то основания. Как сильно ни охватывает меня ужас, когда мне говорят о связях с полицией, все же мое суждение не имеет ничего общего с этим ужасом, и я должен считаться с фактами, а не с моими чувствами. Однако я могу сказать, что в отношении строгости морального приговора потягаюсь с каждым; но именно поэтому я должен открыто и громко заявить: это будет вопреки всем принципам справедливости, это компрометирует собственное достоинство и честь, это противоречит даже всем правилам благоразумия, если отклонить оправдание Н. Чем мы рискуем, если послушаем его? Отказ должен означать, что не хотят справедливости? — И такое русско-австрийское представление дается в Англии?

Мое первое письмо к вам было написано стгоряча, по первому чувству: но уже в нем вы можете обнаружить, что я хорошо отличаю внешние факты от моментов моральной оценки. В нем говорится, только другими словами, что я нашел в бумагах два факта о связях Н. с французской полицией и разоблачении им Гефнера как шпиона; зато в поддержку честности мнения Н. я высказал свое убеждение, потому что в данном случае я могу прийти к конечным выводам, опираясь лишь на свои заключения. Каждому дано право сделать из тех же материалов противоположный вывод; я сразу сделал именно такой вывод умом и сердцем. Впрочем также, Н. и не был совсем tête-à-tête ** с французской полицией, если хотеть изобразить связь Гефнера чем-то из ряда вон выходящим; если нет, тем лучше.

Еще одно. Манера, в которой Н. вот уже в течение трех месяцев вел себя по отношению к вам, возможно, вызвала у вас недоверие, и не без причины. Но Н. не виновен в этом, и замалчивание здесь опять-таки оказалось вредным. Вы, вероятно, предполагали, что он знал о вашем к нему отношении. Но он ничего не знал. Я могу засвидетельствовать, что его информировали об этом только совсем недавно.

Я сделал то, что считал своим долгом, и буду настаивать на этом изо всех своих сил: я остаюсь на тех же позициях, которые я изложил в письме от 3 сего месяца. Я надеюсь, что вы признаете и высоко оцените то честное усердие, кое хотелось бы пожелать всем защитникам доброго дела, которое вы называете своим.

В и н т е р с б е р г

¹ См. вступительную заметку в этой публикации.

² Тимолеон (ок. 411—337 до н. э.) — древнегреческий политический деятель и полководец. Будучи сторонником демократии, участвовал в 364 г. в Коринфе в убийстве своего брата, тирана Тимофана. В 344 г., свергнув тиранию в Сиракузах и других сицилийских городах, Тимолеон установил в них демократический образ правления и объединил их в Сиракузский союз.

* «по-братски» (франц.).

** с глазу на глаз (франц.).